

Даниил Кобылин

Комната заблуждений

18+

Даниил Кобылин
Комната заблуждений

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кобылин Д. А.

Комната заблуждений / Д. А. Кобылин — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Он ждет недалеко от моста того, кто поможет ему пролить свет на происходящее вокруг и объяснит, почему все фонари погашены, болезнь не отступает, а черная вода зовет к себе.

Содержание

1	5
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

1

Мы договорились встретиться недалеко от моста в свете ближайшего фонаря. Я пришёл первым. Мост был небольшим, узким и абсолютно пустынным; никто не проходил по нему в столь поздний час. По другую сторону от него горели и другие фонари, приглушённо освещавшие небольшие участки вокруг себя, но я точно знал, что встреча произойдёт именно здесь. Позади меня успокаивающе молвила река, всё же не способная до конца заглушить волнение. Чтобы хоть как-то унять возникающую дрожь, я решил закурить, оставаясь одиноко заблудшей фигурой для теоретически возможных прохожих под тускло-оранжевым светом. Пока курил, выпуская дым ввысь, я наслаждался всеохватывающим небом. Сегодня оно было необычайно звёздным. Не разбираясь в созвездиях, мне приносит немалое удовольствие наблюдение и увлечённые разговоры, связанные с ними и пугающим холодом космоса, когда глаза полны огня заражающего знания. Холодный небосвод тлеющими угольками поглощал меня, и сигарета потихоньку догорала до самого фильтра, а его всё не было видно. Я всерьёз запаниковал и, для успокоения, собрался выкурить очередную, как мной завладела уверенность, что кто-то внимательно и недобро разглядывает меня. Оказалось, это был пёс – могучим тёмно-шерстяным вихрем он промчался мимо, фантомом появившись из чёрной бездны, когда я обратил на него внимание, и поглощённый ею снова. Мне не удалось разглядеть его хорошо, но блеск огненных глаз, заставляющих себя почувствовать неуютно, я запомнил прекрасно; в голове возникла ассоциация с псом Тарковского, хоть этот и выглядел намного массивнее и злее. Наверно, я слишком глубоко задумался об этом невольном сравнении и выпал из реальности, потому что не заметил, как он пришёл и легонько дотронулся до моего плеча. Ошеломлённый и испуганный таким прикосновением, я мгновенно вернулся из тягучей думы и посмотрел на него. Мало что можно было различить, но это точно был он, окутанный, словно бездной, странной чёрной накидкой с рассеянными по всей одежде небольшими серебряными звёздочками. Прямо как на небе. Он протянул свою руку, молча передавая записку; я взял её и хотел спросить, поинтересоваться, где он так долго был, хоть что-нибудь вымолвить, прервав неуютную тишину между нами, разбудив застывшую позади нас реку, но он, словно ощущая мои намерения, резко поднял руку, останавливая. Я не видел его глаз, как и его лица вообще – всё скрывал непомерный капюшон, но чувствовал на себе бурлящий поток раздражения и ярости, смешанных с разочарованием. Впрочем, он никогда не был дружелюбен или разговорчив, а непристойный взгляд грубости и жестокости никогда не сходил с его морщинистого лица. Это не удивило меня, вовсе нет; в конце концов, нечто подобного и стоило ожидать. Остановив меня жестом, он высказался громче и выразительнее всех слов, что мог бы выдавить из себя. Смешно, но я даже не помню его голоса. Он сохранял расстояние между нами, что было слишком долго для такого момента, слишком недружелюбно для нашей встречи и слишком уверенно для его бесхребетной халатности, а потом развернулся и ушёл, не проронив ни слова. Снова я остался один под блеклым светом бесчувственного фонаря.

Вокруг был темно, и только другие жёлтые треугольнички, выходявшие из фонарей, разрезали темноту, занимая своё место в картине окраины ночного города. Сзади опять слышалась река, отошедшая от мимолётной дрёмы. Теперь никто не придет ко мне, похлопав дружески по плечу, напоминая о том, что не всё потеряно; наша встреча подошла к концу, поэтому я медленно, неуверенный в дальнейшем, побрёл к мосту. Остановившись на его середине, я опёрся рукой об оформленные в виде диковинных зверей перила. Таинственная река, бежавшая неизвестно зачем в неведомые страны, уносила с собой и мои мысли. Стало интересно, куда она впадает и где начинается, как относится к попутным ветрам. Может, это только русло одной из великих рек, что беспокоят разум гениев. Я вспомнил, что в моей руке остался небольшой клочок бумаги, записка, которую он передал. Мне захотелось выбросить её в реку,

выбросить навсегда, как и всё, каким-либо образом напоминающее о прошлом. Но не стал этого делать: достал зажигалку и подсветил. Записка оказалась всего лишь жалким огрызком обычного листа, на котором было написано только одно слово: "Лжец". От этого слова исходила странная энергия, неприятно обращающаяся к тревоге; щёлкнув в голове, какой-то странный огонёк обжёг внутренности, посеяв пожар в желудке. Спрятав неудобную записку в карман куртки, я закурил.

И думал, что же мне делать дальше; так и стоял, не зная, куда идти. Кто меня ждёт? Что будет дальше? Насколько это успешно? Зачем мне вся эта жизнь с бедной фантазией как её провести? Эти вопросы больно отпечатывались в моём сознании, красным проецируясь на звёздном небе. У меня не было готовых ответов. У меня не было предположений. У меня не было уверенности и должной храбрости, чтобы, при необходимости, признать поражение. У меня было только сомнение в правильности и нужности моей жизни. Она представлялась аморфной и никчёмной, лишённой хоть какого-либо смысла. Любая из этих звёзд светит и даёт больше смысла, чем звезда моей жизни. Моё существование – неизбежно сгорающая сигарета в руке заядлого курильщика. Когда он докурит и выбросит её на обочину протоптанной дороги, то тут же забудет про неё, словно она никогда и не существовала в его жизни. Ведь сколько таких ещё будет, и не упомнишь. Что я сделал за всё это время и что смогу сделать в будущем? Всё тщетно и пусто, а я биологический материал, застрявший на середине пути, беспрестанно задающий какие-то вопросы про существование и великое предназначение самому себе, переполненный трагедией. Разозлившись на упаднические мысли, я в последний раз посмотрел на спокойное течение, пытаюсь запомнить его красоту навсегда, и направился дальше; грядущее было скрыто за ночной мглой.

Я медленно шёл, осматриваясь по сторонам в незнакомом районе; фонари освещали путь, на время превращаясь в маяки в чёрном море небольших трехэтажных зданий с мутными окнами. Удивительно, но ни в одном из них не горел свет. Неужели сейчас такой поздний час, когда даже заядлые совы закончили свои накопленные дела и теперь отдыхают? Или все разом вымерли, приняв волнующие объятия смерти от беспощадной чумы? Мне казалось, что я остался один на всем свете, пока на очередной скамейке, располагающейся рядом с фонарем, не увидел человека. Он лежал на ней, свернувшись и подобрав под себя ноги. Было невозможно увидеть лицо мужчины, спрятанное от освещения, но он определенно был во владении сна, приятно опьяненным своими путешествиями за грань. В какой-то степени, я ему завидовал: пребывая в полнейшем спокойствии, он просто спал, не обремененным заботами; возможно, его проблемы от этого только нарастали, но сейчас они были иллюзорны, несущественны. Я и сам хотел бы уснуть и забыться, перенеяв другой облик и другую судьбу, но сейчас это представлялось безответственным.

Спящий остался далеко позади. Тот мост остался далеко позади; такое ощущение, что нас разделяют века – так давно всё произошло. Предчувствие сна обволакивало меня и больше не хотелось о чем-то думать: глаза слипались, добавляя мутные пятна сна, когда я пытался смотреть ясно. Неимоверных усилий стоило переставлять ноги дальше и держать себя в бодрости. Впереди раскинулся перекресток. Имелось три направления для продолжения пути (вариант "идти назад" не рассматривался), но решение не рождалось в голове. Для меня стало настоящей проблемой – определиться по какой дороге я дальше пойду. Я боялся выбора! Выбора! Как будто есть разница, что я выберу! Словно существует другой конец! Словно за меня вечно должен кто-то решать! Я начал проговаривать терзавшее меня вслух, насмехаясь над собой; если бы такое представление нерешительности увидела хоть одна живая душа, она непременно бы тоже начала смеяться над моей слабостью и беззащитностью перед решениями. Но никого не было. Только когда всё терзавшее было высказано этому объёмному мраку месту, я решился повернуть направо и продолжить движение. Без сожаления, без упрека в неправильном выборе, без продумывания бесплодных альтернатив, я шёл теперь по более просторной

двухполосной дороге, оставив проклятый перекресток, приютивший несчастные души, позади; становилось только темнее. Все звёзды и луна на небе загадочно пропали, скорее всего, спрятанные тучами; теперь это было полотном чёрной материи. Мне бы не составило труда сбиться с пути такой безмолвной ночью, но других развилок более не существовало. Вдалеке различались очертания каменных тварей, пришедших из огненного подземелья нескончаемого ужаса. Но стоило дойти до них, как они растворялись, выдавая достижения неодухотворенного материального характера. Я чувствовал невероятную усталость, проходя мимо очередного однотипного здания, которые никак не менялись, и разочарование, что эти монстры – только моё воображение. И вдруг, я увидел позади себя свет и обернулся: по дороге ехала машина с ярко включёнными дальними фарами, рассеивающими темноту, как масло. Будучи ослеплённым резким освещением, я застыл статуей нелепости на проезжей части; водитель должен был сбить зазевавшегося путника, нарушающего правила, но он объехал меня, затормозил, покрыв пару лишних метров, и остановился. Пронзительные ярко-красные глаза, казалось, принадлежали тому псу. Но это был только седан, не вызывающий опасности, когда им управляет человек, знающий свое дело. Открылась дверь.

– Садитесь, я вас довезу, – донеслось из машины.

Это был первый звук живого человека, который мне довелось за сегодня услышать; оказывается, окружающий мир не страдал немотой. Я побежал к машине, заляпанной застывшей грязью, под которой кое-где пробивалась белая краска, и запрыгнул внутрь.

– Ты выбрал, определенно, подходящее время для прогулки, – сказал водитель и тронулся с места. Он ехал достаточно быстро: один дом неуловимо сменялся другим, превращаясь в одно бесконечно длинное здание. Наконец мы оказались на пустой трассе, вдали от безжизненных построек. Бетонные здания уступили место тёмно густому лесу, наступающему на дорогу со всех сторон; всё это время я молчал и глядел по сторонам. – Знаешь, я кого попало в попутчики не беру, у меня успешно действует своя система принятия, но раз ты сам напросился, то, будь добр, ответь на несколько моих вопросов. Куда ты держишь путь в столь поздний час?

– Честно сказать, не знаю, – и это была чистая правда, казалось, это был незнакомо безразличный ко мне мир, – всё кажется таким чужим, что я потерялся. Да, я устало брёл, но не хотел куда-то окончательно прийти.

– Звучит крайне подозрительно, ведь, в конечном итоге, мы все куда-то приходим, даже если не хотим.

– И это верно, но, порой, интересен сам процесс.

– И тебе был интересен процесс?

– Ни в коем случае.

– И как с тобой поступить? Отвезти домой?

– Нет, я не знаю, где он, да и домой мне обратной дороги нет.

– Почему? – он вообще не понимал меня, как я не понимал его намека на то, что якобы просил помощь, когда этого точно не делал. Он продолжал смотреть только на дорогу, не сбавляя скорости.

– Всегда есть что-то, что лучше оставить при себе, верно? – рукой я вцепился в ручку двери, словно в безумном намерении открыть её, и уже не хотел продолжать этот разговор дальше, не хотел ехать вместе с ним. Он был слишком разговорчивым и не в меру любопытным; мне никогда не нравилось, когда кто-то начинал расспрашивать.

– Эх, тут ты прав, – он бегло посмотрел на меня, и снова вернулся к трассе, – ты какой-то не особо разговорчивый, но ты мне нравишься. Именно поэтому я дал тебе шанс. Что ж, храни свои секреты дальше, а вот я держу путь в бар, чтобы хорошенько отдохнуть, можешь составить мне компанию. Он достаточно уютный, и ты сможешь удобно устроиться там, посидеть, подумать, что наделал и как будешь с этим жить дальше. Ну что, согласен?

– Буду благодарен, – я отпустил ручку двери, но мне стало ужасно некомфортно и душно; любое место сейчас лучше, чем эта машина.

– Вот и договорились.

Я надеялся, впрочем, тщетно, что на этом наш разговор и закончится. Но водителю видно уж очень сильно хотелось поговорить, поэтому он цеплялся за любые темы.

– Представляешь, чуть собаку не сбил, пока ехал, – неожиданно произнёс он, не теряя бдительности в управлении железным созданием, – такой здоровенный чёрный пёс, я сначала его спутал с волком, настолько он был огромен. А потом подумал: "Что здесь мог забыть волк? Это же бред!" Значит, точно пёс. Выбежал непонятно откуда, еле затормозить успел. И взгляд у него такой был дикий, точно бешеный. Станный. Не люблю я их, откровенно говоря. Был у меня похожий случай пару лет назад..., – остальные слова сливались в общую кашу скучных оттенков, что не интересовали меня. Погрузившись в омут своих отяжеленных мыслей, я очнулся только тогда, когда ощутил на себе чей-то беглый, но внимательный взгляд и уютную тишину, отданную для ответа, – ты сам откуда?

– Из небольшого города на окраине страны, – быстро проговорил я, удивляясь, как он перешел от рассказа про выскочившую собаку к родным городам.

– Хорошее местечко? Там твой дом?

– Нет, я уехал оттуда пару лет назад. А город просто ужасен – самое настоящее чистилище, наполненное туманом и апатичной серостью, да и только.

– А я вот родился прямо в столице – чудесное место, не знающее грусти. Уже потом, по зову работы, я побывал во многих местах в различных городах и увидел, что всё это было только игрой, жертвой для радости одного города. Воистину, я увидел, что значит на самом деле нищета. Я понял, что это хуже болезни: она убивает настолько медленно и незаметно, но необратимо, высасывая все краски жизни, что, когда ты всё осознаешь, уже слишком поздно. И нет бы закричать, испугаться, но ты давно находишься в глубокой апатии. Нищета забирает волю к жизни, делает её безразличной, потому что нет возможностей на эту самую жизнь. Именно тогда умирают мечты и красота, а руки безвольно опускаются. Это осознание поразило меня ужаснейшей молнией, что мне пришлось уволиться с работы и найти себе другую. И, хоть нельзя говорить вслух, я так рад, что нищета обошла меня стороной. Лучше умереть сразу, чем гнить всю жизнь. Я тебе это говорю, потому что мне кажется, что ты как никто другой поймешь меня и не будешь осуждать за такие вольные рассуждения.

– Ты прав, я не собирался этого делать.

– Только почему это происходит?

– Знаешь, – мне вспомнились строчки, которые давно запали в душу, – Платон в одном из своих диалогов сказал, что если люди, стоящие на страже законов и государства, таковы не по существу, а только такими кажутся, то ты увидишь, что они разрушат до основания все государство, и только у них одних будет случай хорошо устроиться и процветать. И я с ним согласен. Только добавил бы, что, если почва благодатна, то растения будут набирать силу и разрастаться, но если почва уже осквернена, то на ней ничего не будет расти. Пока земля будет подвластна заражению и скверне, ничего хорошего на ней не вырастет. Понимаешь?

– С Платоном тяжело не согласиться, это верно. А твоё дополнение, мне кажется, не лишено смысла, но слишком смело сказано для того, кто сам подвержен скверне.

– И тем не менее, я имею право говорить.

– Конечно.

После этого наступила тишина. Нам было больше не о чем вести диалог. Начинать первому мне не хотелось, а он был занят, со всем вниманием поглощенный поездкой; к тому же, я понял, что не настроен на дальнейший разговор; разморенному мне оставалось лениво смотреть в боковое окно, где деревья быстро проскальзывали мимо, пряча за своими стволами мистическую темноту. Рукой я опять нащупал бумажку, про которую успел забыть.

Моему попутчику, скорее всего, стало скучно наблюдать за одинокой дорогой, которая не таит в себе опасностей и вызовов, поэтому он решил включить радио. Вместо песен или болтовни ведущих раздавались только помехи, приносящие с собой тревогу, но водитель не отчаивался, продолжая искать живую станцию. Вскоре, он нашел частоту с не самой дурной музыкой, но буквально через пару минут, и она потухла, заполнив эфир новой волной белого шума. Ему надоел этот безрезультатный поиск и, посмотрев на меня, он спросил:

- Не против, если я поставлю диск?
- Без разницы.
- Хочу заглушить возникающие мысли.

Он потянулся рукой к бардачку, открыл его и ловко вытянул какую-то белую коробку, из которой также быстро достал диск. Заиграла незнакомая тяжёлая песня:

You dig in places till your fingers bleed
Spread the infection where you spill your seed

– Мрачновато, – мне не особо нравилась такая музыка, но это было лучше, чем ничего, – Здесь гитара ревет как монстр из глубины мироздания, разбуженный тревогой.

– Поэтично сказано, но позволь песне увлечь, прими атмосферу этой дорожной ночи. Разве ты не видишь, что этот монстр всё время следит за нами?

Я всмотрелся в изорванное тьмой полотно леса и действительно увидел два бегущих за нами глаза. Больше мы не разговаривали; оставшуюся дорогу я попеременно всматривался то в окно, наблюдая за неотстающим чудовищем, то на водителя. Он часто трогал свой подбородок, словно его вечно терзали какие-то мысли, от которых он никак не мог освободиться, даже занятый другим, и музыка здесь никак не могла исправить ситуацию. Свет вырывал впереди небольшие куски дорожного полотна, и в воздух взмывались опавшие редкие зелёные листья.

Мы достаточно долго продолжали ехать в никуда, следуя дороге и слушая музыку, пока не возник хорошо освещенный участок слева от трассы: деревья в округе расступились, освобождая место для большой двухэтажной коробки – упомянутому в разговоре бару с бестолковым названием "Крылья ворона". По ощущениям, это единственное живое место, к которому тянутся страждущие мотыльки; самые разные машины, включая и мощные фуры, занимали всё свободное пространство вокруг заведения: сложно было представить, где можно припарковаться, но мой компаньон быстро нашел своё свободное место.

– Мы и приехали, – с ноткой предвосхищающей радости, разрушающей очередное инструментальное соло, проговорил водитель, – это тот самый бар, про который я говорил тебе.

– Собираешься выпить в стельку? – решил поинтересоваться я, не излучая любопытства, но хотелось осадить его возникающее веселье.

– Нет! Ты что? Я приехал сюда за другом. Я вообще не пью. Выходи, – и сам быстро юркнул из машины.

Мне пришлось поспешить за ним, да и особого желания оставаться одному в салоне тоже не было. Хлопнув дверью машины (недостаточно громко), я начал жадно дышать, снова влюбляясь в давно забытый запах ночи, резины и дороги. Я действительно просто не мог остановиться. Уверен, водитель смотрел на меня как на недалекого идиота. Но я ничего не мог поделать с собой. Запах возвращал моё детство – такие милые сердцу воспоминания снова ярко давали о себе знать. Воспоминания о моем отце, тогда ещё сильном и молодом, о местах, расположенных далеко за городом, ограниченных непроходимым лесом, куда мы приезжали по работе, спокойствие и радость, которые больше не ведомы в этой разочаровывающей жизни – вот что значил этот любимый до боли запах. Мне стало очень грустно. Ностальгия сильно увлекла – водитель ускользнул в бар, не проронив ни слова. Я достал сигарету и закурил – слишком стало приятно и паршиво от всех этих воспоминаний про умиротворенное детство. Окинул взглядом так называемый бар – если бы не свет в окнах, я бы подумал, что он заброшен уже лет десять: обшарпанный, неприглядный и недружелюбный. Там столько народу, должно

быть, собралось, а никаких звуков – гробовая тишина. Отвернувшись от него, я сконцентрировал все свое внимание на пустынную трассу и попытку осознать, что делать дальше. Удивительно, как прекрасно запомнились приятные события детства, и никак не хотели вспоминаться другие куски моего существования, произошедшие совсем недавно. Казалось, что они скрываются под несрываемой мантией страха и тревоги, при прикосновении к которой зарождалось беспокойство. Я чувствовал себя так одиноко, не понимая, что происходит. Глубокая тоска, причину которой никак не удавалось установить, нещадно терзала: словно моя душа ищет тот самый дом у могущественного затерянного дерева, находящегося где-то за пределами познания. Я выглядел чужеродным элементом в теле нынешнего мира, не принадлежащим ему, но что оставалось делать, кроме как выбросить докуренную сигарету и нехотя отправиться в этот гнилостный бар.

С того самого момента, как я переступил порог этого дешевого заведения, в моей голове окрепла решительная мысль о том, что надо как можно скорее найти кого потрезвее и уехать отсюда. Куда? Да как можно дальше. Только не назад – та дорога развалилась в результате чувственной катастрофы. Но размышления прервались, когда до моих ушей донесся невозможно громкий гул, слишком болезненно вибрирующий внутри. Здесь было очень много людей: они кричали, пытаясь переорать друг друга; они развлекались, и с каждой новой кружкой местного пойла, что бармен называет пивом, им становилось всё жарче и веселее. Стало тошно от такого количества человеческих душ и жара их липких тел. Но они этого не замечали – продолжали пить и орать, собравшись четверками. Неприятно меня поразили и картины, коих здесь было великое множество – они чуть ли не лепились друг на друга. На некоторых были изображены истерзанные люди в неестественных положениях: кто-то абсолютно голый, другие же облачены в мантии; нашли призвание здесь и омерзительные палачи с железными пирамидами на головах и огромными топорами, с их лезвий непрерывно стекала тёмная кровь грешников. Моим вниманием завладела картина, в которой жил исковерканный титанический ворон, устремляющий тысячи мертвых глаз-бусинок на зрителя, а сквозь его разлагающееся тело проглядывал красный кусок сердца. Я рассматривал, замороженный, каждое из столь странных произведений, как больной, впиваясь глазами, словно наслаждаясь их мерзостью и гнойностью. Я перескакивал с картины, на которой был изображен мужчина, изрубленный в куски и прикопанный к ржавой инвалидной коляске, пребывающий в тошнотворном кроваво-фиолетовом месте, похожем на крыло больницы, к другой, не менее отвратительной, где была изображена странная тварь в пустыне: на ней восседал довольный скелет, позади которого находилась арка, исписанная какими-то странными символами, не виданными мной ранее; к следующей, где сидели мужчина и женщина за столом посреди поля с фиолетовой травой, их лица были слеплены из кусков кожи разных оттенков; и к расположенной выше всех, где в просторной комнате, устроенной, как кабинет муниципального чиновника, песчинками рассыпался провинившийся, на него смотрела целая комиссия из пяти человек в деловых чёрных костюмах и серых галстуках. Но больше всего меня привлекло огромное полотно, которое располагалось выше за барной стойкой – в нем отразилось множество различных элементов, людей и зверей, проклятых демонических созданий и уродов, порожденных больным извращенным воображением: все они засасывались в сферическую пустоту, от которой было невозможно спастись. Вся картина была оформлена в тускло-мрачных тонах с преобладанием выцветевшего жёлтого, как иссохшийся лист старой книги, с ярко-чёрным пробелом прямо посередине. Я подумал, что это и есть та самая смерть, вмещающая всё и всех, при этом находясь в каждом из нас. Все эти картины были настолько мерзкие, но и настолько манящие, что я никак не мог перестать на них смотреть, они затягивали в свои миры, гипнотизируя, вытесняя сознание из тела. Выше, ниже – оккупировав все стены, от них было невозможно скрыться; я не видел свободного места, не занятого очередным изображением адского кошмара. Ужасно закружилась голова, изображение бара поплыло, подкатывая к горлу тошнотворной волной, путаясь, искажаясь, отдаляясь,

отравляясь, обесцвечиваясь. Люди начинали еще громче кричать – эти однотипные пьяницы своим диким и распутным ором заполнили абсолютно всё пространство в моем теле, проникли в каждую кость и сосуд, алкоголем распространяясь по венам. Я хотел закричать сам, хотел исчезнуть, утонуть, сгореть, провалиться, раствориться. В этом бреде я не знал себя. Неожиданно возник образ бармена, его голос, тихий и спокойный вывел меня из транса, но я до сих пор не понимал, где нахожусь.

– Будете что-нибудь заказывать? – он смотрел на меня так ясно, будто и не было здесь никого. Он-то уж точно привык к здешней специфической атмосфере, варясь в таком мерзком котле каждый день.

– Что происходит?

– Заказывать будете что? С вами все нормально?

– Бессчётные глаза, наполненные яростью, взирают на меня со всех сторон. Они принадлежат размытым фигурам, чьё предназначение – напоминать...

– Тебе совсем стало плохо? Так не занимай чужое место, – и он стал отходить в сторону от меня, пытаясь принять следующего клиента, который истошно орал позади, что необходимо больше пива, больше веселья. Я развернулся и запнулся за свою же ногу. Уже падая на того подвыпившего, меня успел подхватить какой-то субъект и быстро потащил к незнакомой компании. В отличие от остальных, эта группа занимала круговой стол и состояла из шести человек, что грубо нарушало неписанный закон бара. Каждый из них кричал что-то своё, не обращая внимания на слова других.

– Как тренер продолжает выпускает его на поле, если он с метра не смог вколотить мяч в ворота "старой сеньоры"?!?

– Почему я живу именно так?...

– Этот переезд не дал мне ничего, кроме новых проблем...

– Я чувствую подозрительный запах гари, или мне только кажется?...

– Где моё пиво? Это ты его выпил, старая сука?...

– Его глаза! Могу поклясться, что раньше они были другого цвета...

– Мне вчера приснился сон с покойником, к чему бы это?...

Парень внес меня в эту группу, быстро исчезнув за спинами других, но они даже не заметили присутствие нового человека в моем лице, продолжая кричать своё. Это всё сливалось в знойное многоголосие анонимной толпы:

– твоя вина... он скоро придет, черноокий, бесстрастный... как же надоели эти дожди... давно мы не виделись... бросил бы это ребячество... – снова вводило в состояние потерянности, произнесенное невпопад, невовремя, без умысла, гипнотизировало, запутывало, зачем? – ...если не было возможности спасти, то почему он до сих пор не отпускает... беспросветные и глупые попытки... вы не видели моего друга? Мы вместе пришли... ты не умеешь это делать правильно... луна такая ясная, словно управляет моей волей... не вырваться... гарь... не имею представления, о чем ты вообще говоришь... кипиток... огонь... горим... ОГОНЬ!!!

Я не сразу понял, что это не часть общего монотонного разговора. Кто-то кричал, перебивая всех, когда я окончательно очнулся и сразу почувствовал запах гари; горячий воздух обжигал легкие, все заволновались и наперебой начали кричать: "Горим!", "Огонь!", "Пожар!", толкаясь и сбивая друг друга. Вдруг, как по команде, каждый из них умолк, но возня не прекратилась: толпа устремилась к выходу, хаотично и бессмысленно. Послышались словесные тычки оскорблений и удары копошащейся борьбы, быстрые вскрики, но никто не мог вырваться, задерживаемый разъяренно испуганным соседом. Потом снова раздался крик: "Пожар!", и я увидел, как языки пламени облизывают барную стойку, перекидываясь на потолок и соседние стены, уничтожая полотна; дым сузил круг обзора, рядом оказался тот парень, что притащил меня в ту группу, уже растворившуюся в организме суетной толпы; он стремился выйти, как и остальные, грубо отталкивая меня, цепляясь за эгоистичный инстинкт самосохранения. Вне-

запно на него свалилась горящая балка, прибив к земле, и он истошно заорал, беспечно размахивая обреченной рукой. Он схватил меня за штанину, продолжая несвязно кричать, умоляя о спасении. В ужасе я попытался вырваться, яростно толкая других поблизости, нанося удары ногой по его цепкой руке, лишь бы отойти подальше от пострадавшего и от раскаленной балки, которая вживалась в него, прожигая одежду и кожу. Беспомощным голосом, в котором чувствовалось звучание смерти, он прокричал мне в последний раз: "Не бросай меня!", затем силы покинули его, убегая от умирающего, хватка ослабла, пальцы разжались, освобождая штанину, а сожженные губы продолжали шепотом повторять последние слова, надеясь на спасение. В ступоре, я ужасался кривляньям его обожжённого лица и невероятно белым глазам. Запахло жареным мясом. Дым, тем временем, распространялся быстрее, охватывая всё, что мог бы окинуть безумный глаз: мы оказались в общей могиле. Меня не спасло чудо. Стремясь пробиться к выходу, я продолжал толкаться и пытаться пролезть, но это было тщетно. Мне не хватало воздуха, я задыхался и уплывал, не чувствуя тела. Я падал, не осознавая смерти, хоть это и была она, призывающая к спокойствию и мужеству, настигшая нас всех запертыми в деревянной коробке. Спасения нет...

2

Порывисто дыша, парализованный и не понимающий, где нахожусь и что собой представляю, я видел только непроницаемую стену тьмы. Внезапно, справа от меня, послышалось лёгкое шуршание, а следом за ним – звучание знакомого голоса:

– Приснился кошмар?

Да, это был только сон, ощущаемый жизнью, в котором под сомнение не ставилась твердость столпов мироздания. Подробности начали ускользать сквозь пальцы трезвости, оставляя на коже небольшие крупички, и даже они до сих пор кажутся настолько реальными, наполненные некой странностью и мифологической мистикой, глупые и лишённые привычной логики, но будоражащие тихую гавань сознания. К счастью или к сожалению, скоро и эти песчинки смоеются беспощадными волнами забвения. Но, какие люди составляли мир того сна? Они были такие смутные, однотипные и совершенно незнакомые, но пугающие своей сущностью, казавшиеся деталями одного большого механизма, выполняющего свой процесс творческого создания абсурдной картины. Удивительно, но я не ощущал освобождения и облегчения после кошмара, только грузно свалившаяся усталость заняла место на моих плечах и голове.

– Да... Ты права... Ужасный сон... Почему здесь так холодно? – сонно пробормотал я. Одеяло безуспешно защищало от холода, позволяя ему проникнуть под кожу. Меня неудержимо начало трясти, голова пылала, проецируя в темноте странные красноватые узоры.

– Что ты? Здесь тепло, – щекой ощущалось слегка тревожное дыхание от резкого пробуждения; скорее всего, я выпугал Её, дергаясь, вырываясь из темных пут, или крича, будучи охваченным невидимым огнём, – я могу согреть, если тебе холодно..., – Её игривые слова казались такими далекими и неестественными, словно заученными. Она прижалась ко мне и вскрикнула:

– Боже, да ты же весь горишь!

И я услышал, как быстро Она взлетела с постели и направилась к выключателю. Вызванный яркий свет болезненно ослепил меня, увеличивая красноту галлюциногенных образов. Глаза пылали, практически слезились от внутреннего пожара. Я накрыл голову одеялом, чтобы сберечь и без того раскалывающуюся голову. Издалека доносились Её торопливые попытки отыскать позабытый градусник; Она что-то повторяла себе под нос, и это больше походило на жужжание. Стоило мне вспомнить об ушах, как они тоже заболели и воспылали, словно разбуженные по общей тревоге. Попытки унять дрожь проваливались раз за разом, я сжимал, объятый ознобом, одеяло, пытаюсь согреться, но достигая противоположного результата. Она подошла ко мне, стянула непригодное одеяло и протянула градусник. С зажмуренными глазами я нащупал холодный термометр и установил его.

– Не удивлюсь, если будет 40. Надеюсь, таблетки остались, – взволнованная, Она вышла в другую комнату в поиске лекарства. Я продолжал лежать, безвольно смотря на потолок, часто моргая разгоряченными глазами – на нём появлялись и расплзались диковинные узоры, затем он расплывался, покрываясь волнами. Отяжелевшая голова, пронзённая тысячью ярчайших молний, была источником пожара, распространявшегося по всему телу. Продолжая трястись, я захватил взором всю комнату, ещё узнаваемую, но уже мутировавшую под пагубным влиянием воспламеняющей болезни. Из окна, сквозь прозрачно-белую штору меня внимательно рассматривала заунывная потусторонняя чернота; был самый разгар ночи, когда одинокие воины, что держат яркие фонари, освещая далекий путь домой, несут бремя службы. Как мне удалось подхватить это заболевание?

Всё время, которое я провел в тихом ожидании, перебрасывая взгляд с одного объекта на другой, меня неотступно преследовал шум, сконцентрированный в голове. Я представил, что моё тело успело незаметно для меня принять новую форму или сгореть, обуглившись до костей

– подумать о таком было несложно, когда острее всего чувствуешь, как сгорает, словно бумага, тонкий слой кожи. Испытание огнём. Глаза закрылись, медленно открылись, затуманенные, практически слепые, и снова сомкнулись. Последние запасы сил уходили на такие простые действия только для того, чтобы как-то отвлечься от поглощающей боли, от языков пламени, облизывающих тело и душу. И вместе с тем, я чувствовал великое одиночество, заброшенность другого мира, в который меня изгнали на страдание совершенно одного, прокаженного и подавленного страхом, потерянностью и грустью.

Наконец, Она возвратилась, разрушив ту одинокую тюрьму, принесся с собой таблетки и кружку с водой. Её глаза, пучина буйного океана, полны сожаления и грусти, словно Она ухаживает за безнадежным в хосписе. Вольные мысли про смерть всегда продиктовываются злым духом над левым ухом, когда болезнь захватывает новые территории. Это странным образом успокаивает, когда начинаешь вырисовывать в голове места, находящиеся за тонкой непрозрачной гранью бытия. Пока ты одержим въедливыми демонами, они позволяют тебе одним глазом посмотреть, запутывая и сбивая с мысли. Мир идей? Или, быть может, абстрактный рай с воротами из чистого золота и белыми облаками вместо земли с одной стороны и кровавый ад с металлическими котлами для грешников с другой? А может быть, змей, что поглощает самого себя, пугающие параллели и бесконечные лабиринты? Как можно описать недостижимое для слов жизни, её правил и образов место, если там у них нет никакой власти; где, возможно, не существует никаких привычных правил, законов и форм? Никак – это временно закрытая для нас зона, вызывающая страх; именно поэтому мы осуществляем попытку за попыткой, возводим одну крепость успокоения за другой, чтобы было не так страшно безвозвратно уходить туда.

Она поставила кружку на небольшой прикроватный столик рядом с моими наручными часами, забрала градусник, внимательно посмотрела на шкалу и с печалью в голосе произнесла:

– 39,8. Бедный ты мой, надо срочно выпить жаропонижающее, – и протянула кружку и таблетку. В моем теле, кукольном и огрубевшем, погубило всё, кроме ярости; она нашла свой приют здесь, питающаяся плодами выбеживающего света и разрушающего пламени. Усаживаясь, я забрал из Её восковых рук зеленый обжигающий ледник и машинально закинул в рот лекарство, запив жадными глотками освежающей воды. Насколько же сильно распространился пожар, в каких уголках облизуется он, раз его так сложно потушить. Наблюдая за моим страданием, Она молча кивнула, понимая невысказанное желание, и ушла за новой порцией. Шум, словно исходящий от грохочущего дряхлого поезда, отталкивал мою личность в сторону, не позволяя сосредоточиться. Давненько не было так плохо. Лоб гудел и раскалывался, словно к нему приложили раскаленный докрасна древний чугунный утюг и с усилием, которому позавидует видный силач, вдавливали внутрь, расплавляя отброшенное существо.

В таком подавленном состоянии со склоняющейся вниз головой, смотря исподлобья без какого-либо хитрого умысла в старый, давно неработающий телевизор, я ожидал Её возвращения. Чёрный навечно потухший экран вглядывался в меня, засасывая внутрь альтернативной комнаты, наполненной печальными вставками пианино, вынимающими душу из тела своей пронзительностью и чистотой. Здесь всегда играла туманная песня о незаконченном страдании, что призраками окутывали жизнь каждого, напоминая о себе в весенних цветах и шелесте деревьев. На экране, показывающем всё скрытое, начали проявляться силуэты, возникающие позади другого меня, но и я чувствовал их спиной, боясь повернуться, наблюдая происходящее в старом изжившем свой век угнетения и контроля телевизоре. Так молча они и стояли, слегка склонив свои головы поближе ко мне. Все они, похожие друг на друга, олицетворяли только одно явление, взглядом сдавливая плечи и прогибая спину – то было знакомое чувство вины, вновь пробудившееся от беспокойного сна. Появляясь в самых разных состояниях, оно неотступно преследовало и дышало в затылок, наслаждаясь мрачно-тоскливыми мотивами, которые искусно создает – оно любит пианино. Эта музыка и шум сталкивались между собой,

перекликались, взрывались и насаждали свои идеологии наказания и вины, когда пришла Она и нежно дотронулась до меня. Силуэты тяжких и вечных наблюдателей растворились, задержавшись на потёртом экране. Вода на этот раз была отвратительно теплой, но это не помешало с той же жадностью испить её до дна. Это была неутолимая жажда, что обычно назойливо напоминает о себе пустынной сухостью. Я отдал Ей кружку и завалился на кровать, чувствуя всю мощь и уверенность своего безысходного положения под прожигающим и обезоруживающим светом. Поставив ненужную кружку на столик, Она прилегла рядом со мной, собираясь приобнять, но я остановил Её, попросив выключить гадкий свет. Та грубость, небрежно брошенная, одернула нежность, и, когда Она вернулась, погасив огни, больше не предпринимала попыток обнять. Она молчала в темноте, но я прекрасно ощущал Её вопрошающий взгляд. Вопросы, интересующие Её, тревожили и меня, но я не знал ответов на них. Наше положение было нестабильным последние годы и его дальнейшая финансовая судьба зависела от следующей пары дней и моего участия в деле, успех которого теперь выглядел призрачно. Всё было зыбко, а теперь грозило вообще разрушиться. Даже я ненавидел себя за это, бессмысленно, конечно, но злость не знала пощады и не находила иного выхода. Она тоже думала об этом, но все же главной Её тревогой оставалось моё здоровье. От этого я ненавидел и злился и на Неё; в очередной раз именно я поставил нас в критическое положение, но Она словно не хотела на это обращать внимание, пассивно увядая, впитывая мою ненависть. Только челюсть сводило из-за гнева на себя и на Неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.